

Литературная Страница

Ю. Костарев

ТРУБИ, ГОРНИСТ!

Земля — сплошной благоуханный сад,
условленное место для влюбленных.
Но сад растет сквозь черепа солдат
из пор курганов, кровью напоенных.
Погибшие под Брестом,

на Даманском —
на милой отвоеванной земле —
спят русские бойцы

в молчанье братском,
собрались навсегда в одной семье.

О том, как им Отчизна дорога,
они публично не благовестили —
но преданность своей родной России
они несли на острие штыка.

Спят вечным сном они в родной земле:
отцы — под Брестом,

братья — на Даманском...

Ты, старшина, подвинь поближе мне
доставшуюся мне в наследство каску.

Я — рядовой зенитного полка,
второго взвода, первой батарее —

не пал в Орле, не утонул на Шпрее,
и не угас в плену. Я жив пока.

Но первым откликаясь на поверке,
сначала трижды говорю подряд:
«Пал под Москвой...»

«Под Брестом...»

«Под Кронверке...»

Погиб в боях за Родину солдат...

...Начкар наряд меняет на заре:

горят огнем штыки на солнце алом.

И слышится дыхание пожара.

И розовеют кровью вены рек.

А дальше —

там, где родился восход —

за плотной караульной оградой,

земля сплошным благоуханным садом

перед людьми влюбленными встает.

И если чуткий тополиный лист

взметнется за секунду до удара —

труби тревогу, полковой горнист!

Мы носим каски выбывших недаром!

Марина суетливо, дрожащими руками укладывала вещи и продукты в дорожку Василию. И все старалась повернуться к нему спиной, чтобы не видеть ее слез. Но он видел их и осторожно взяв ее за плечи, прошил:

— Ну, не плачь, Марина...

Жили они до этого дружно, а когда родился сын, любовь их окрепла еще больше, окрасилась новым, неведомым им до того чувством отцовства и материнства...

На вокзал они шли молча и только в последние минуты, когда уже надо было расставаться, Марина, заглядывая ему в глаза, попросила тихо:

— Вася, пиши почаще, ладно?

— Буду писать обязательно, — твердо пообещал Василий. — Каждую свободную минуту писать буду!

Он уже стоял в тамбуре вагона и говорил через голову низкорослого пожилого проводника, возвышавшего над ним, пристально вглядываясь в знакомые до боли черты жены, стараясь запомнить их, увести с собой как память сердца. И уже когда поезд тронулся, крикнул последнее, что, может быть, и не пуждалось в напоминании:

— Береги сына! Вернувшись с вокзала, Марина уложила уснувшего по дороге сына и, пригорюнившись над ним, прошептала:

— Теперь будем жить без папки, уехал, а когда вернется — неизвестно. Будь они прокляты, эти фашисты.

Взглянув на баян, стоявший на стуле, она заговорила с ним:

— И в футляр тебя не положил. Как-будто хозяин скоро придет и расшевелит твои голоса.

Она вспомнила, как впервые встретилась с Василием во Дворце культуры строителей. Он занимался в кружке баянистов и часто участвовал в концертах. Тогда она и влюбилась в него, растревоженная и грустными, и веселыми мелодиями, которые рождали его быстро бегающие по клавишам пальцы...

Письма с фронта приходили регулярно. Воевал Василий в истребительном противотанковом дивизио-

не, был наводчиком. Утешал ее, писал о близкой победе и скорой встрече.

Но вдруг писем не стало. Это случилось, когда наши войска сражались уже на подступах к Берлину. Марина встревожилась, посылала запросы в часть. На один из них пришел ответ: пропал без вести.

Изменилась после этого Марина. Взгляд ее посуровел, она замкнулась в себе и подолгу разговаривала только с сынишкой, когда длинными вечерами они оставались одни.

Шло время. Витя пошел

С. Ненно

Концерт

Рассказ-быль

в школу. И как-то вернувшись после занятий, спросил:

— Мама, а папа хорошо играл на баяне?

— Да, он у нас был настоящим артистом.

— А кто был папа, рабочий или служащий?

— Рабочий, монтажником работал на стройке, — вздохнув, ответила мать.

— Я тоже буду таким, как папа! — торжественно заявил Витя.

Растревожил сын рану матери. Она все еще в глубине сердца не переставала надеяться, что Василий жив.

Кроме швейной фабрики, где она работала, Марина нигде не бывала, сидела дома: ждала. Но однажды в завкоме ей предложили путевку в Крым, поразмыслив, она согласилась поехать. Надо же хоть раз как следует отдохнуть.

В доме отдыха познакомилась Марина Ивановна с одним из отдыхающих, жителем Симферополя Петром Елиферьевичем, директором Дворца культуры. Бывший фронтовик, высокий, чернявый, он чем-то напоминал Василия. Он часто приходил к женскому корпусу и терпеливо ждал Марину Ивановну. Они вместе ходили в столовую, в кино, ездили на экскурсии, но когда он ей предложил вместе сфотографироваться, она отказалась. Но Петр Елиферьевич продолжал за

ней ухаживать, вызывая на откровенность, рассказывал о себе, о фронтовой жизни. Сказал, что холост.

Как-то рассказал он ей и о своем Дворце культуры.

— Между прочим, наш коллектив художественной самодеятельности пользуется большой известностью. Много у нас есть талантливых исполнителей. О них я рассказывать не буду, лучше представлю возможность присутствовать на концерте.

— Что, может быть, прикажете ехать к вам в

Симферополь? — серьезно спросила Марина Ивановна.

— Нет, зачем, коллектив приедет сюда на гастроли. Я уже все устроил... Для вас, — добавил он, стараясь поймать ее взгляд.

Марина грустно улыбнулась:

— Нет, Петр Елиферьевич, то, что нужно мне, вы все равно сделать не в силах.

Больше они ни о чем не говорили, но расставаясь, Петр Елиферьевич сказал:

— А концерт для вас будет.

На следующий день появилось объявление о предстоящем концерте.

После завтрака, как обычно, отдыхающие расшаживались на скамьях в скверике. Сидели там и Петр Елиферьевич с Мариной Ивановной. Они видели, как на территорию дома отдыха въехал большой автобус.

— А вот и наши приехали, пойдемте встречать, — предложил Петр Елиферьевич.

Они пошли к автобусу. Из него уже выходили артисты. Завидев Петра Елиферьевича, они здоровались с ним, расспрашивали о здоровье, отдыхе, потом направились к клубу. Последним из автобуса вышел высокий седой человек и с трудом переставляя ноги, вразвалку направился вслед за товарищами.

— Что с ним? — спросила Марина, имея в виду необычную походку.

— На протезах, — ответил Петр Елиферьевич, — на фронте лишился обеих ног. Но баянист изумительный. Настоящий артист!

Марина глянула раз, потом еще вслед удаляющейся фигуре, и вдруг крикнула не своим голосом:

— Вася!

И с протянутыми руками бросилась вслед за удаляющейся фигурой. Услышав возглас, человек на протезах остановился. Марина подбежала к нему, ничего больше не успев сказать, пошатнулась и стала падать... Открыв глаза, Марина, едва увидев склонившееся над ней лицо Василия, навзрыд заплакала.

— Не плачь, Марина, — попросил Василий, сам кусая губы и едва удерживая слезы.

Успокоившись немного, разговорились. Василий рассказал, как был ранен, как очнулся в госпитале уже без ног.

— Я не спал ночами, все думал о том, как тяжело тебе будет жить с калеккой, — говорил Василий, — и потому не писал. И домой решил не показываться в таком виде...

Василий, понурив голову, замолчал. Марина взяла его голову в свои руки и с горечью спросила, заглянув в глаза:

— Если у тебя случилось несчастье, значит, и любовь в сторону? А Витя весь в тебя. На твоём баяне играет. Сейчас в пионерлагере...

Солнце уже клонилось к закату, жара схлынула, временами пробегал свежий ветерок.

После ужина состоялся концерт.

Марина с Петром Елиферьевичем сидели рядом. Когда на сцену вышел Василий, она повернулась к Петру Елиферьевичу:

— Теперь я беру свои слова назад. Вы действительно сделали то, что мне было нужно...

В зале было тихо. Все внимательно слушали баяниста. А Марина Ивановна смотрела на его быстро бегающие по клавишам пальцы и чувствовала себя так, как будто не было четырнадцатилетней разлуки. Все было как тогда, когда она увидела, его впервые.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Многие магнитогорцы, посещая художественный салон мастерских Челябинского отделения художественного фонда РСФСР, несомненно, обратили внимание на скульптуры, барельефы, бюсты, изящные статуэтки, выполненные молодым скульптором Тамарой Александровной Ратмановой. Выпускница Нижегородского художественного училища, Тамара Ратманова вот уже несколько лет работает в нашем городе.

Сейчас Тамара Александровна работает над темой, посвященной Великой Отечественной войне. Никто не забыт, ничто не забыто — таково содержание ее будущих работ.

Тема как бы разделена на две части. В первой скульптор показывает русских женщин в период войны. Это скульптура

«Мать» и голова молодой женщины, названная автором «Рязанская мадонна». Название навеяно известной песней «Рязанские мадонны».

Вторую часть составил монумент павшим воинам. Это будет монументальное произведение. Центральная часть монумента — восьмиметровый обелиск, у основания которого на массивной тумбе займут место скульптурные головы двух советских солдат. Высота скульптуры без подставки — свыше двух метров и отлиты будут они из бетона с дальнейшей обработкой под гранит.

Эскизы скульптуры уже готовы и автор приступает к выполнению в натуральную величину модели, по которой будет изготовлена форма.

Текст и фото
В. Лоскутова.

А. Коломиец

Звезда над городом

Ознаменован подвиг скромный

героев мирного труда — сверкает на вершине

пятиконечная звезда.

Здесь честный труд оваян славой,

к победе — волю воспитал.

Мы помним, как к Берлину лавой катился

грозный наш металл.

Работа спорится живее, и с каждой тонной

богаче, краше и сильнее

моя любимая страна.

И наша смена

и с высоты колошника звезда

над городом сияет,

как свет большого маяка!

Н. Парфенов

ГЕРОЯМ

Стою у стенда

и боль стеснила грудь мою.

В глаза мне смотрят, как живые,

герон — павшие в бою.

Нет, жизни отблеск не погинул

черты отважного лица.

И я свое бы сердце

вынул за подвиг каждого

бойца.

Огнем клокочет вечно

знамя,

сказать ни слова не могу...

Герон, знайте: перед

вами мы в неоплаченном долгу!